

Синдзё находилась в чёрно-белом пространстве.

Белый покрывал стены и потолок, а черный — столы и стулья.

В комнате площадью в десять квадратных метров выстроились несколько столов.

Это столовая.

Деревянные часы на стене показывали половину двенадцатого, но в комнате остался только жар раннего ужина.

Кормёжка была в шесть, и в воздухе витал слабый запах пряностей.

С обеих сторон от часов висело несколько гобеленов в ряд.

Картинки, вставленные в них, предназначались для детей. Они начинались с истории о создании мира и продолжались до начала нашей эры.

На каждом гобелене была одна картина, но дети, должно быть, перевесили их по своему вкусу, потому что порядок шёл полностью невольно.

— Какая прелесть.

Одно изображение показывало мужчину и женщину, живущих в саду, но на следующем Дева Мария держала своё дитя, следом шла змея, потоп и башня. На самом последнем пастырь смотрел в звёздное небо.

Выглядело чуть ли не как испытание, сможешь ли ты поставить их в правильном порядке, но Синдзё вспомнила, что это не церковь, а значит не то место, где учат детей таким вещам.

Местный заведующий, должно быть, просто дал детям волю,— предположила она.

Девушка сомневалась, что это затеяла женщина, заведующая учреждением сейчас, так что, скорее всего, решение сохранилось со старых времён.

...Наверняка это был кто-то такой же самовольный, как Саяма-кун и остальные.

Затем она глянула на грудку документов на столе перед собой.

Там громоздились альбомы, этюдники и блокноты.

На каждом из них было написано то же имя.

— Синдзё Юкио.

Она обнаружила их без особого труда.

После того как директор успокоила её плач, Синдзё рассказала женщине, почему искала приют.

Настоятельница пригласила её зайти и сказала следующее:

— Меня оставили заведовать этим приютом, когда его переместили сюда. Я слышала, что в крушении старого здания потерялось множество реестров и прочих документов, но вещи, оставленные выпускниками, были в хранилище прошлого директора, и оно сохранилось. Не против, если мы посмотрим там?

В итоге Синдзё обнаружила себя за тем, что перерыла все альбомы и прочее нагромождение в хранилище.

После ужина сироты предложили свою помощь, но Синдзё вежливо им отказала.

...Я хочу сделать это сама.

Имя, которое она искала, появилось внезапно.

Теперь у неё были альбомы Синдзё Юкио, равно как и блокноты, рефераты, распечатки и табеля из школы. Дата выдачи заканчивалась 1976-м.

Записи того последнего года сообщали, что в 1976-м ей было пятнадцать, а в записях USAT Изумо говорилось, что Синдзё Юкио родилась в 1960-м, так что всё сходилось.

Это и в самом деле она.

Выяснив это, Синдзё взяла документы в столовую.

Пока директор готовила лёгкий ужин из гренок и подобного, девушка не забыла позвонить в USAT.

Ответил Хиба, и Синдзё сообщила ему время отправки своего поезда домой и адрес приюта. Он сказал, что матери Харакавы стало плохо, и она затревожилась, но ничего не могла с этим поделать.

...Надеюсь, ничего плохого не случится.

С этой мыслью Синдзё тихонько вздохнула и потянулась к груде документов.

Сначала девушка подобрала альбом.

Неожиданно Синдзё увидела несколько фотографий, отображающих моменты из прошлого.

Снимки, наклеенные в альбоме, показывали некую девочку.

Она обладала волевым взглядом, её можно было увидеть играющей во дворе старого приюта, учащейся в одной из комнат, и одетой в костюм птицы на каком-то фестивале.

С течением времени её волосы удлинялись, и к тому времени, как девочка надела форму средней школы, она стала подвязывать их лентой.

...Она похожа на меня?

Синдзё пребывала в сомнениях и не могла найти ничего на снимках, что бы связывало девочку с ней.

Однако с ходом времени она увидела, как девочка всё чаще помогает младшим детям переодеваться.

Она также увидела её улыбку. Порой за ней угадывалась сила, а порой слабость.

На одной из фотографий она показывала флейту, которую, наверное, получила в средней школе. На другой коричневый чехол от флейты выглядывал из её прямоугольной кожаной сумки.

Но Синдзё кое-что заметила.

...Её нет?

По догадке Синдзё во время перехода девочки на третий год, флейта исчезла из её сумки.

Она также заметила, что поверхность кожаной сумки пересекала белая царапина.

Синдзё не знала, что произошло, но улыбка девушки, занятой вязанием, выглядела тревожной.

Это был последний школьный год в альбоме.

На дате сбоку снимка стоял ноябрь 1975-го. В декабре девушка оделась в белую рясу, когда что-то пела в большой комнате под светом одних только свеч.

Скорее всего, это была сцена с Рождества.

Она младше теперешней меня, подумала Синдзё. Но в то же время...

...Это фото тридцатилетней давности.

Она потянулась к снимку, но как бы мягко его ни касалась, не могла достичь девочки в прошлом.

И та не ответит, спроси Синдзё, является ли она её матерью.

Приближаясь к концу альбома, она обнаружила фотографии девочки с выпуска средней школы.

Одна из фотографий изображала девочку на пути из церкви после выпуска. На её щеке Синдзё заметила пластырь, да и бумажный цилиндр с её дипломом тоже согнулся.

...Но её улыбка вернулась.

С утёса у двора старого приюта открывался хороший вид на Сакаи, и он полнился вишневыми деревьями.

Под падающими лепестками девочка улыбалась с пластырем на щеке и согнутой бумажной трубочкой в руке.

— Хорошо.

По какой-то причине Синдзё казалось, что она обрела определённое понимание девочки.

...Она наверняка была хорошим человеком.

Она замыкалась в себе, пыталась решить всё сама и улыбалась.

В голове Синдзё возникло слово "одиночество", но она не думала, что это далеко от правды.

— ...

Она перевернула последнюю страницу, на которой находилось одно большое фото.

Лепестки вишневого цвета танцевали в воздухе у входа в старый приют.

Под голубым небом перед открытыми воротами стояла Синдзё Юкио. Она носила синюю ветровку и белые джинсы, и держала в одной руке большую дорожную сумку. И...

— Она улыбается... Но это слабая улыбка.

По-видимому, она покидает приют.

Синдзё осознала, что из грудного кармана девушки торчит конверт национальной железной дороги для билетов на поезд.

Быстро перелистав альбом и проверив другие альбомы, она кое-что подтвердила.

...Нет ни одной фотографии, на которой она плачет. Это всегда либо гордая, либо слабая улыбка.

Этого достаточно, чтобы представить, какой она была.

В том недостижимом прошлом она трудилась одна, когда была в школе, жила в приюте, общалась с одноклассниками и помогала младшим детям.

Размышляя о девочке на фотографиях, разделившей с ней фамилию, Синдзё внезапно подумала.

...Что если она моя мать?

Она подумала об этом, поразмыслила с различных углов и покачала головой.

...Вероятность не слишком велика.

Само собой разумеется, девочка была женского пола. Когда она выйдет замуж, её фамилия изменится. С усилением натиска борцов за равенство полов закон изменили так, что женщина может брать любую фамилию после женитьбы, но это случилось лишь в середине девяностых. Даже сегодня этим пользовались единицы, и Юкио, скорее всего, вышла замуж после двадцати, то есть в восьмидесятих.

Вероятность того, что она мать Синдзё, была малой.

Эта мысль наполнила её живот болью. Болезненное чувство, которое она ощущала в конце месяца, подымало свою уродливую голову из-за стресса.

Так что пока девушка произнесла вслух то, что ей нужно здесь разузнать.

— Куда она отправилась, уйдя отсюда?

Если приют хранил записи о её планах, Синдзё узнает, куда отправилась девочка. Путь по этому следу, вероятно, приведёт её к ответу, и это может на время её уgomонить.

Любопытствуя, она порыскала по документам и обнаружила распечатку, связанную с будущими планами девочки.

Свёрнутый листок побурел и на нём был просто график для собрания, посвящённого планам на будущее, но Синдзё продолжила рыться в стопке, к которой этот график принадлежал.

— Вот оно.

Она обнаружила форму, заполненную временными планами девочки на будущее.

Там было место для вписки школы, в которую она хочет пойти, и необходимые оценки для принятия.

Аккуратным почерком была вписана школа с Осакой в названии.

— Вот как. Так она пошла в местную школу?

Если она пережила Великое Кансайское Землетрясение, то Синдзё может с ней и встретиться.

С крупницей надежды в сердце девушка просмотрела документ.

Место для объяснения её выбора полнилось мелким, но чётким письмом.

— Я хочу в будущем пойти в теологию. Мне бы хотелось использовать знание, накопленное в этой сфере, чтобы помочь в культурном обмене с другими странами. Но у меня нет денег на школу, поэтому я надеюсь пойти в префектурную школу, которая предлагает курсы, что я хочу.

Разве так бы выразился тот, кто рос в церкви?— гадала Синдзё, хоть в этом и был для неё

СМЫСЛ.

Она перевернула документ на случай, если что написано на обратной стороне, но там было пусто.

Форма, судя по всему, предназначалась лишь для временных планов учеников.

— Плохо, — пробормотала она, готовясь перевернуть довольно толстый листок обратно.

Но не успела девушка это сделать, как заметила кое-что необычное.

— Похоже, тут написано что-то ещё.

Письмо спереди оставило отпечатки сзади, но в самом верху они совсем перемешались.

Синдзё могла разобрать, что под школой с Осакой в названии была написана другая.

Девочка вписала другую школу, но затем стёрла.

...Почему?

Синдзё вспомнила слабую улыбку девочки и догадалась, что она возникла от стирания первой школы.

Синдзё захотелось узнать, так ли это было.

В конце концов, ей известна эта слабая улыбка.

Словно говоря девочке не падать духом, она зашевелилась.

— Эм...

Синдзё выудила из сумки чёрную папку и вытащила лист копировальной бумаги. Она взяла её для того, чтобы сохранить старые документы, не повреждая их.

Девушка поместила кальку под документ и легко скопировала его не пишущей стороной механического карандаша.

Тонкая копировальная бумага воссоздала отпечатки на документе и позволила ей восстановить

письмо.

Она справилась меньше чем за минуту.

Результат включал в себя и название второй школы, так что его было трудно прочесть.

Даже так, она сумела расшифровать то письмо из прошлого.

Стертое имя было хорошо известно Синдзё.

— Частная... Академия Такаакита?!

Синдзё инстинктивно встала на слова, которые сама же произнесла.

Стул шаркнул по деревянному полу, и в столовую вошла директор.

Синдзё подбежала к женщине, раздражённая при этом тем, как её замедляли тапочки.

— Э-эм! О ней есть ещё документы?!

Ранее Синдзё хотела её преследовать, но эта мысль начала меняться.

...Я должна её преследовать!!

Словно подталкиваемая этой мыслью, она улыбнулась и задала женщине в белом вопрос.

— Я по-прежнему не знаю, она ли моя мать! Но мне нужно знать, почему она пыталась отправиться туда, где я сейчас.

Она вспомнила о том, кем была, когда жила в одиночестве, и кем является сейчас.

— Мне нужно знать, почему она пыталась пойти в то место, где я научилась улыбаться.

В следующий миг Синдзё увидела деревянную тарелку, висящую у входа в столовую.

На ней было написано название приюта и, скорее всего, она принадлежала к вещам, сохранённым со старого здания.

...Дом Соко.

Едва лишь Синдзё произнесла эти слова в сердце, как внутри неё будто нечто соединилось.

Она вернулась мыслями к тому, что только что произнесла.

...Синдзё Юкио пыталась пойти в Академию Такаакита.

Её сердце воскликнуло в отрицании этих слов.

...Нет!!

Девушка сделала два логичных шага к достижению вывода, который был почти что ставкой.

— Она...

Её размышления слились воедино и накопили её решимость, переросшую в слова:

— Она должна была отправиться туда, где я сейчас!

Когда женщина услышала это, кончики её бровей опустились.

Она будто колебалась и нерешительно наклонила голову.

— Синдзё-сан? — начала она. — Откуда у вас такая уверенность?

Синдзё вернулась к столу и подхватила альбом и документ о планах на будущее.

Она подошла обратно к женщине, перелистала страницы и добралась до последней с фотографией девочки перед уходом.

Затем взяла открытый альбом в левую руку и правой указала одно место на фото.

— Гляньте на её грудной карман. Видите билет на поезд? Он был бы ей не нужен, отправляйся она куда-то в пределы Осакской префектуры или куда-то рядом. Это означает, она не собиралась в школу из её временных планов в этой форме. Мне кажется, она отправилась в школу, вписанную в форму планов на будущее, которую она всё таки отдала учителю. ...И я думаю, что это была школа в Токио.

— Но где ей взять деньги на такую школу?

Женщина взволнованно приложила ладонь к щеке.

— Мы говорим о школе в Токио... И наверняка частной.

Синдзё ответила глубоким кивком.

— Директор, вы знаете, кто построил этот приют?

— Да, предыдущий директор мне рассказал.

— Сейчас я скажу вам имя.

Она сделала спокойный, глубокий вдох, после которого выдала:

— Соко.

Плечи директора вздрогнули, но Синдзё не заботило её удивление. Оно было вполне естественным.

Синдзё глянула на деревянную тарелку, висящую у входа в столовую.

— Да, это был господин Соко... Соко пишется иероглифами "трава" и "аромат", а "аромат" поднимающийся с растения можно прочесть как "Каору". ...Этот приют основал Саяма Каору, не так ли?

Зайдя так далеко, её слова продолжали литься.

— Предыдущий директор, наверное, хотел в качестве благодарности прямо назвать заведение в его честь, но я уверена, что дед Саямы-куна смутился и отказался. И поэтому прошлый директор использовал имя "Соко". И дед Саямы-куна...

Она улыбнулась.

— Он был злодеем. Внешне он вершил невероятные вещи, но показывал истинные чувства там, где никто не видит. ...Так что когда он увидел ту, кто сомневается в своём будущем и отказывается от своих стремлений из-за заботы о тех, кто с ней рядом, он бы помог ей, даже не будь она внучкой его друга.

Реакцией директора послужил вздох. Это был вздох облегчения.

Она поднесла правую руку к щеке.

— Вот как.

Женщина медленно смерила Синдзё взглядом с головы до ног.

— Вы знали человека, которого предыдущий директор называл Длинноногим Папашей?

— Не его самого, но я хорошо знаю его родственника.

— Вот как, — снова сказала женщина.

Она протянула то, что держала в руках, и выставила на уровень глаз Синдзё.

— Это письма, которые шлют выпускники приюта. Мы всегда старались бережно их хранить со времен прошлого директора, но я совсем забыла, что они есть у нас в кабинете. Некоторые из тех, что слали прошлому директору, сохранились и... их нашла я. Эти были посланы Синдзё Юкио более десятилетия назад.

Женщина протягивала старый дневник и два письма.

— Полагаю, вам следует их прочесть.

Женщина улыбнулась и кивнула.

— Возьмите. Это дверь к тому, что вы ищете.

<http://tl.rulate.ru/book/95927/3344975>